

РОЖДЕНИЕ САМОРОДНОГО Я И ФЕНОМЕН САМОНАСИЛИЯ

В.И. Красиков

Статья подготовлена в рамках выполнения
и при финансовой поддержке
РФФИ грант № 07-06-00067-а

Когда мы спрашиваем себя о сути своего Я, начинаем идентификационный поиск в поле своего сознания, то тотчас же память услужливо предоставляет нам набор готовых мнений, взглядов, представлений – зачем изобретать велосипед? – ведь уже есть ответ. И мы в большинстве случаев вполне удовлетворяемся этим, тем более, что многие из этих готовых форм Я вполне отвечают нашим же ожиданиям и приятно щекочут наши возбужденные нарциссические чувства, нашептывая: «ты уникален, ты беспределен по своим возможностям, уже только тем, что ты человек: когда-нибудь ты обязательно продемонстрируешь миру свою беспрецедентность». Но это «когда-нибудь» в большинстве случаев так никогда и не наступает. В этом, пожалуй, самая большая вина философского гуманизма – в навивании золотого сна, расслабляющего и обессиливающего многие умы, способные к самоустроению и жизненному горению. Вместо этого – Большое Ожидание. Ожидание того, что судьба, случай сами все устроят и разовьют наши беспримерные таланты, нашу, гарантированную антропологическим исполнением, неповторимость. Что ведет к Большому Разочарованию, ибо антропологическая действительность, то бишь наша человеческая природа, вовсе не такова, как вдохновенно воспевала ее гуманистическо-антропологическая традиция. Во все не талантлив каждый ребенок в потенции – талант, а тем более гениальность есть редкий природный дар. Во все не уникален каждый человек, напротив большинство ужасающе однообразно и серо, хотя, в соответствии с ведущими ценностями западной цивилизации, и стремится слиться, казаться ярким и неординарным. И оно достигает этой видимости разнообразнейшими

путями и средствами, суть которых, однако, одна – мимикрия под оригинальность. Признаки этой мимикрии следующие:

- устремленность «вовне», а не «внутри» – метка непохожести *Я* привязана к внешнему (богатству, славе, успеху, материальным предметам, особенностям собственного тела или намеренному социальному эпатированию и пр.), внешняя отличительность затеняет внутреннюю ординарность и шаблонность;

- отсутствие продуктивного следа, творческого воплощения этой-вот-субъективности предметно, действенно – в книгах, фильмах, изобретениях, эмоциях публики, сформированных душах других людей и пр. Между тем оригинальность, самобытность – собственно человеческие отличительные признаки как существа радикально индивидуалистического, а не стадного, обретаемы всегда во внутреннем напряжении самостоятельной работы сознания по своему переделыванию во что-то иное, что не дано антропологически и что не может быть усвоено из социокультурного окружения.

Самое *Я*, отличное от биографии и интроспекций, ищет свое самородное начало в самоосознанной духовной эволюции – когда таковая начинается. А начинается она с достаточно хорошо известного и часто описываемого явления – *«второго рождения»*, «озарения экзистенцией» и пр., когда человек вдруг («вдруг» имеет, конечно же, каждый раз свою предысторию) начинает видеть мир по-другому. Столь привычное и устойчивое ранее бытие вдруг начинает ускользать, истончаться, превращаться в мираж. Незыблемые понятия и привычно налаженный быт оказываются ничего не стоящими условностями, готовые истаять в любой момент, когда человек всерьез лично примерит к себе всем хорошо известную (на рациональном уровне) идею о том, что мы «неожиданно смертны», представив мир без себя, а себя несуществующим как сознание. Теперь человек будет думать о смерти *всегда*, с удручающим постоянством возвращаясь к мысли о ней, живя под ее сенью – вплоть до самой смерти. Несомненно, это уже *отравленное существование*, и начинается поиск *Я*, муки рождения не от хорошей жизни. Это начинается бег от смерти к самой смерти. Как бы ни были звонки и красивы декламации о стойкости, мощи самоутверждающегося

сознания, все они есть не что иное, как сублимация страха перед смертью, интоксикация от отравления сознания регулярными встречами с будущей смертью.

Главной константой сознания становится устремленность к настоящему бытию, которое никогда не тождественно с содержимым социоматериального мира. Он (мир) всегда остается, и ему нет дела до меня и моего *Я*. Настоящее бытие – в смысле близкого сознанию, удостоверяемому всегда, в любой момент, – это мое *Я*. Утвердить себя, «зацепиться за бытие», бытие интеллигибельное, умопостигаемое, можно только на пути разрушения и созидания. Причем это новообретаемое *Я* должно быть непременно фиксировано в социоматериальном мире. Конечно, ожидаемая всегда и ненавидимая гостья непременно придет и обесмыслит все, в том числе и это. Однако эти мысли, эти чары, позволяют жить целеустремленно *сейчас*, чувствовать себя хоть отчасти человеком, от которого зависит его же жизнь и который может сделать то, на что многие не способны.

Собственно то *Я*, которое жаждет понять себя из усредненной смутности, есть, одновременно, саморазрушение и самосозидание *Я*: *Я* природного, тривиального, вложенного и *Я*, которое получается в итоге внутренних усилий. *Я* как уникального, воспетого многими философами и литераторами просто нет до второго рождения, до которого имеется в наличии природное *Я* (автобиографическое и интроектное). Это *Я* становится, обретается, *полагает себя* в актах рефлексии, самопоиска, что прекрасно выразил Фихте в абстракции утверждающего себя, а через себя мир (по сути, представление мира), трансцендентального *Я*. *Я* не только должно создать себя, оно должно еще и уверовать в свою действительность, более того, свою приоритетность по отношению к социоматериальному миру. Не окружающие меня условия должны определять меня и мое поведение, а мое сознание должно найти ту стратегию поведения и усилий, которое обеспечили бы мне, не только как "сознанию", но и как существу социоматериальному привилегированное существование. Идеализм должен быть практически реализуем и стать залогом социального успеха.

Что образует условия «второго рождения», помимо экзистенциального фона личностного освоения идеи смерти?

Во-первых, это *воля к уникальности*, как проявление воли к приоритету, обращенное «на себя», ставшая основным жизненным стремлением. Во-вторых, *рациональная культура сознания*, способность к эксплицированию, самоопределению и конструированию в рамках своего содержания. В-третьих, *способности воображения и веры*, без которых сознание просто будет неспособно создать себе идеал, свое новое Я и поверить в него. В-четвертых, *решимость* идти до конца и воплотить себя не только в сознании, но и в новом поведении, новом образе жизни. Это есть верификация, проверка Я – *рационально-практическая реализация идеалистической мотивации*.

Важнейшее и решающее здесь – первое условие, без него не может состояться само это «второе рождение». Сама воля к уникальности возникает не на пустом месте. Всегда ей предшествует фаза личностной негации – вскрытие эфемерности, условности, двойственности социального мира, житейских правил, морали, ценностей, общезначимых ориентиров.

То, что человек начинает критически относиться к ценностям, прежде составлявшим каркас его устроения, маяться в поисках своего внутреннего, неуловимого, присущего только ему, – случайно, представляя во многом подарок судьбы, дар богов. Сорваться со своей духовной резьбы оказывается самым трудным и, в общем-то, самым опасным. Теряешь почти все, а вот что приобретешь – еще не известно. Самым трудным является именно начало. «Сдвинуть» с места гигантскую духовную глыбу, называемую моим прежним, удобным, родным Я. Редчайшие люди способны на подобное так сказать в «мирное время»: когда налицо социальная, культурная стабильность, а в умах царят порядок уместных ценностей, определенных, установленных авторитетами, перспектив. Многие «сдвигаются», лишь попав в жернова социальных потрясений, жесточайшей переоценки всех ценностей. Не правы древние китайцы, желавшие добра в пословице: «Не дай Бог вам жить в эпоху перемен». Большинство, конечно, всегда ропщет: «Ну, за что нам

довелось родиться в столь смутное время». Но следует благодарить, по крайней мере «проснувшимся»: за отрезвление, за обретение мятущейся, начавшей самостоятельно жить, души. Ведь «второе рождение» – это и лотерейный билет, не зависящий от степени образования или социальной среды. Причудливыми, часто извилистыми, путями ведут индивидуальная судьба, социокультурная эволюция сообщества, случай – ко времени «X», старта непредсказуемого процесса личностной самотрансформации.

Фаза негации начинается с глубокого потрясения от открывающейся бездонности фальши окружающего. Разумеется, по большому счету вряд ли следует говорить о «фальши» этого мира, он таков по самоустроению, всегда таковым был и будет, в нем живет большинство людей. Социальные и жизненные порядки – это тот флер, который и составляет суть самих порядков, правил, позволяющих гарантировать какой-то общеприемлемый консенсус и относительную безопасность людей. Социум придает им законный (легитимный), временами даже сакральный, характер: статус самоочевидных, естественных, безусловных основ самой реальности. Но такие разумные и умиротворяющие мысли приходят позднее. Первичный шок открытия делает свое дело – душашая, облегчающая душу завеса благоустроенной заданности и мертвящей предопределенности начинает отпадать лохмотьями серости, скуки, безнадеги.

Человек вначале полагает, что фальшь органически присуща самой социальной реальности. Здесь, по-видимому, следует искать корни широко распространенного среди философов эмансипационного настроения (скептики, даосы, марксисты, фрейдисты и др.) и представлений о враждебности социальной среды и человека. Лживая действительность инородна и репрессивна по отношению к некой «подлинной человеческой природе», отчуждает и извращает ее, развращая и коверкая ее.

Воля к уникальности рождается, таким образом, из отчаяния сознания, которое убеждается в своей принципиальной ненужности социуму именно в качестве «себя», а не «социальной единицы». Личность не желает служить «родине», «общественному идеалу»,

«государству» и пр., быть марионеткой манипуляторов, хозяев жизни.

Параллельно с фазой личностной негации проснувшееся от спячки сознание начинает поиски новых ценностей, жизненных целей. Однако первоначально они не носят прямого, личностно-ориентированного характера. Другими словами, человек полагает, что вся проблема в неправильной постановке социальных, жизне-организующих целей. Надо только их «переоценить», сформулировать по-другому, и фальшь будет преодолена. Человек еще не понимает, что его задача заключается в другом – в переориентации его сознания с интересов «целого» на собственное сознание, в уяснении той метафизической истины, что самое ценное в человеческой жизни – это внутренняя свобода, полагание самим своих целей и ответственность перед собой же за их выполнение. Вместо того, чтобы обратиться к себе, человек ищет альтернативные повседневности ценности в других секторах социума, которые предлагают свои специфические цели и смыслы: политические и религиозные движения, профессиональные сообщества, маргинальные культуры.

Во многих случаях человек «бросается» в профессию, призвание, стремясь найти в данной профессиональной деятельности идеалы жизнеутверждения. Происходит неизбежная абсолютизация человеком своей профессиональной деятельности, ее фетишизация, когда данному виду человеческой активности приписывается, полагается некоторая более серьезная основательность и значимость, чем-то, что есть на самом деле.

«Профессиональный кретинизм» есть, тем самым, выражение отчаянного, судорожного метания человека, увидевшего имманентную анонимность, двойственность-условность естественно-социального устройства, но еще не способного ни к тотальному радикализму в отношении социального символизма, ни к суверенному обустройству себя. Для этого требуется продолжение негации, ее перманентность – неперенное условие самого самоустроения, которое еще только маячит впереди. Между тем многие останавливаются на фазе «призвания к профессии, идее, вере...», порождая тип самоотверженного ученого, верующего,

политического борца, человека идеи и т.п.

Но они становятся, опять-таки, функцией, но уже не социального целого или группы, а некоего идеалистического сообщества, т.е. объединения людей на основе мировоззренческих, идеологических, религиозных идей. Это, конечно, более «продвинутое», даже скажем весьма интересные и достойные люди – ибо они уже *идеалисты*. Это – люди духа. Но духа корпоративного, хотя и не этнического или группово-социального, а «науки», «искусства», «философии», «веры», «движения за благо человечества» и пр. Поэтому индивидуальные сознания здесь субстантивируют себя, отождествляясь с «развитием, прогрессом науки, философии, борьбой зла и добра и т.п.». Они здесь также уже не принадлежат себе, а идеалистическому целому: Науке, Философии, Искусству, Вере, Освобождению человечества и т.д., считая себя «чернорабочими, прорабами» – опять «частичками», «единицами», как и предшествующее естественно-социальное сознание.

Негация должна продолжаться. Негация условности, чуждости Я установок идеалистических сообществ, т.е. сообществ, живущих реализацией некоего идеалистического предприятия: будь то «познание объективного мира», «построение коммунизма (либерального общества)» или «Царства Божьего». Здесь так же господствует «целое», принявшее, однако, идеалистическую форму «великих, высокозначимых целей». Люди, составляющие «электорат» этих сообществ – это те идеалисты, утописты, которые всегда реформируют социальный мир, но это и люди, наделавшие в истории наибольшие злодеяния. Ибо с утопией, новым социальным идеалом сопряжены фанатизм, истовость бескомпромиссной веры в то, что оказывается на поверку новой условностью и мыльным пузырем (Церковь воинствующая, войны веры, познание ради познания, искусство ради искусства, переделаем реальность и пр.)

Между тем, человеческое сознание становится здесь также *сегментом* сознания данного неконформного либо идеалистически-изолированного «сообществ». По существу происходит восстановление естественно-социальной реальности, но на уровне идеалистического целого. Человек, отказавшись от «естественно-

социальной стадности» бросается, не имея, может быть, сил быть лично-страданным времени выбора, – в другое «стадо» – конечно, гораздо более «приличное» с точки зрения стандартов разума и рациональности. Это «стадо» единомышленников, соратников, питаемых часто даже "не с виду", а на самом деле, неутилитарными мотивами деятельности. «Стадо» – потому что, как и в случае с естественной социальностью или даже животной стадностью, оно руководимо в своей активности некоторой «субстанциальной целью» – положенной сверхиндивидуально по отношению к имяреку, ищущему свое подлинное: будь то «генетическая программа», «традиция» или «великая цель».

Конечно, могут возразить, что в последнем случае имеет место начальное индивидуальное полагание «идеала» великой личностью (Будда, Иисус, Маркс, парадигмальная личность в данной профессиональной области деятельности). Да, но суть бытия идеалистических сообществ – именно совместное, объединенное бытие Целого ради Одного Смысла. Поэтому подлинно индивидуальное самоустроение, формирование самосознания, владеющего собой, крайне проблематично на путях «призвания к профессии, вере, идее», которые оказываются на поверку очередным «бросанием в стадо».

Исходная природная коллективистичность Я – это то въедающееся в плоть и дух клеймо, которое воспроизводится и воспроизводится даже в казалось бы новых, идеалистически сконструированных условиях противостояния естественно-социальному миру (религиозной общины, идеологических, гносеологических и художественных сообществ).

Личность, стремящаяся к самоустановлению *своих условностей*, которые, конечно же, отнюдь не «лучше» или «адекватнее» прочих возможных (но они «мои» условности, мною положенные, пострадавшие, являющиеся реализацией моей воли к уникальности), должна пойти и на негацию установок идеалистических сообществ. Это значит: увидеть ограниченность «Великих Целей», их связь, определяемость некоторой частью антропологического контингента (будь то «нищие духом» у христиан,

«рационалисты» у гносеологических сообществ, «эстетствующие» у художественных сообществ или «электорат» у политических движений), узорность корпоративности, та же двойственность стандартов. Стоит задаться вопросами: «Зачем мне это, чуждое мне предприятие? Только затем – если я достаточно увяз в нем – что бы получать средства к существованию?»

Разумеется, как и в случае с первой негацией, когда человек, отринув фальшь естественно-социального мира, продолжает жить в нем – получив только иммунитет против того, чтобы быть «счастливым животным», так и во второй негации – человек, как правило, остается в рамках конфессии, сообщества. Конечно, его продолжают «использовать», он «функционирует», но самое главное – он автономизируется в своем сознании, дистанцируясь от социальных, конфессиональных или профессиональных ценностей и стандартов. Человек уже не выполняет предписания «истово», «радостно», по «долгу» или же «чести», а скорее «по необходимости», воспринимая это как жесткую внешнюю игру.

Человек, переживающий «вторую негацию» того, что считается «реальностью», «смыслом существования» – уже по отношению к выбранной сфере своей самореализации (профессия, вера, призвание) – начинает, в конце концов, осознавать аутентичные для суверенного индивидуального сознания социомирные пропорции. Его реальность образует его же, способное к идеалистическому конструированию «его», которая зависит исключительно от потенций и стабильности его творческой продуктивности. Он, его «проект», самообретаемый личностный смысл и есть настоящее Целое, всеобщее, а все остальное есть либо спонтанные смыслы анонимной массы, либо фетишизированные смыслы, положенные такой же личностью, как и он.

Не надо быть частичкой субстанциального, сверхзначимого (науки, философии, искусства, веры, Великого Дела), необходима четкая дистанция индивидуального сознания от целей, идеалов этого, хотя и симпатичного мне, но не «моего» Целого. Эта «сверхзначимость» подобна аналогичным «другим» и всегда вторична по отношению к суверенизирующемуся индивидуальному

сознанию, ибо есть всегда только *средство*, *полигон* для индивидуальной самореализации, самого главного и единственно подлинно ценного в нашем человеческом мире – цветения самосознающей творческой продуктивности.

Подобное изменившееся отношение индивидуального сознания к своей первой «альма-матер» в идеалистической сфере действительности, возникающее в итоге второй негации, проявляется в прагматизации и рационализации, контрастирующее с его же первоначальным идеалистическим пылом неопита. «Прагма», однако, не означает здесь «утилиту» и, соответственно, снижение интенсивности самореализации. Напротив, это означает сознание того, что ты можешь стопроцентно и по высоким стандартам своей профессии (призвания) реализовать только и именно здесь. Ибо «второе рождение» происходит, как правило, в ближащие «до» и «после» среднерубежья жизненного цикла и времени просто нет – для того, чтобы не то чтобы сменить ориентацию, образование, навыки, а для интенсивной продуктивной самореализации.

Сознание этого вызывает эффект *самонасилия к радости*. Разумеется, самонасилие является имманентным элементом любой профессиональной деятельности. Творчество никогда не подобно легкой игре без усилий, некоему свободному парению. Пушкинский Моцарт не сказал о главном – о своих внутренних усилиях: сосредоточенности, концентрации, умении схватить и зафиксировать, воплотить мелодию в музыкальный материал. Бедному Сальери было невдомек, что хотя и Моцарт не посвящал бессонных ночей потугам творчества, это не означает того, что мелодии давались ему только по мановению волшебной палочки его гения. Любое творчество это самонасилие – над своей ленью, легкоприходящими наслаждениями, соблазнами «отдыха» и "расслабления" (которые моментально начинают превращаться в «образ жизни»). Другое дело, когда необходимо дящееся волевое усилие совершенно и вы погружаетесь в работу – здесь, действительно, после "прогрева" машины творчества (время которого затем постепенно уменьшается до минимума и она заводится с пол-оборота), она начинает работать и давать наслаждение, легкость и радость – от чего? От своей неповторимости.

Ибо продуктивная активность (независимо от степени оригинальности и «серьезности» ее результатов) и сознание своей уникальности – явления *взаимобусловленные*.

Духовная ситуация самородного философствования – строить «свой мир» из своих же собственных материалов, материалов своей жизненности. Чем удачнее, величественнее, убедительнее он для других людей, тем более обескровлен сам строитель, из вещества души которого и формируема инореальность. Философ создает свою уединенность и в ней он патологически одинок, в своем *болезненном* мире, а для большинства он именно свидетельство свихнутости, отхода от нормы. Большинство удивленно-радостно перегляднется, со скрытым превосходством покрутит пальцем около виска и с самоуспокоенной значительностью погрузится в рутину мельтешащей вереницы близнецов-дней. Большинство живет в базовой, интересубъективной реальности, «жизни», которую оно принимают безусловной и в которую оно инкорпорировано. Для большинства их профессиональные обязанности – временное, преходящее, куда только «заходят», чтобы как можно быстрее вернуться в обжитой, свитый незатейливостью потребительства и привычки, мирок, встроенный и соразмеренный с общим социальным окружением. Напротив, для идеалистически настроенных людей их профессия, создаваемая ими реальность и есть подлинность, где только они и чувствуют себя комфортно, а интересубъективная реальность имеет явно химерические черты, иллюзорный характер. И некоторые из них настолько уверены в подлинности «своей» реальности, обладая при этом большим суггестивным талантом, что начинают мировоззренческую агрессию на базовую реальность сознания других. И часто мы видим удивительное – жухнет ткань интересубъективной реальности в сознании некоторых, наиболее восприимчивых людей – под влиянием мрачного обаяния (тлена) зияния великой и страшной индивидуальной реальности. Велика она тем, что есть продукт божественного творения сознания, ставшего демиургом. Страшна же тем, что всегда будет только поработать чужие сознания, ибо творец, для которого этот мир родной и подчинен ему, может быть только один, а его продуктивное